

Новые легенды о Миклухо-Маклае

Материал посвящен монографии Д.Д. Тумаркина «Белый папуас» (М., 2011), представляющей собой попытку обобщающего труда о выдающемся русском ученом Н.Н. Миклухо-Маклае. Автор считает, что книга несвободна от фактических ошибок (некорректно изложена история дворянского рода Миклух, неверно представлены предки путешественника). Другой серьезный недостаток данной работы — идеологическая заданность исследования.

Ключевые слова: история науки, биография Н.Н. Миклухо-Маклая, дворянский род Миклух, идеологическая заданность.

Публикация обобщающего труда о жизни выдающегося русского путешественника и ученого Николая Николаевича Миклухо-Маклая (1846—1888) давно назрела. И вот такой труд, казалось бы, появился. Это монография доктора исторических наук Д.Д. Тумаркина «Белый папуас», вышедшая в издательской фирме «Восточная литература».

Нет сомнений, что для автора монографии характерна довольно основательная работа с источниками (на протяжении многих лет Д.Д. Тумаркин изучал материалы российских и зарубежных архивов) и в целом положительная трактовка образа путешественника. Однако, на наш взгляд, в книге допущены фактические ошибки и серьезные идеологические просчеты, которые в значительной мере подрывают ценность данного исследования. Публикуя эту небольшую рецензию, мы надеемся, что наше суждение дополнит уже существующую палитру мнений (А.Я. Массов, В.И. Тюрин, Б.Н. Комиссаров) об этой, безусловно, безынтересной работе.

В предисловии автор сообщает: «Образ Н.Н. Миклухо-Маклая <...> окутан легендами и преданиями не только на Новой Гвинее, но и в России. Для литературы о нем <...> характерна его идеализация

и мифологизация, узость источниковой базы, повторение недостоверных сведений, многочисленные фактические неточности, рассмотрение его жизни и деятельности вне широкого контекста современной ему эпохи. В нашей монографии жизнь и деятельность знаменитого соотечественника представлены во всей их полноте и доподлинности, на широком историческом фоне, реальный образ отделен от легенд, домыслов и прочих наслоений».

Обратимся к книге «Белый папуас» и посмотрим, как решает биограф поставленную задачу.

Тени придуманных предков

Уже на первых страницах автор начинает «отделять реальный образ от легенд». Он считает недостоверной саму автобиографию путешественника, написанную им незадолго до смерти, в которой Миклухо-Маклай называет своим *прадедом* «Степана, хорунжего одного из казацких полков», первым в роду Миклух выслужившего потомственное дворянство¹.

Как можно понять из довольно сумбурной главы «Корни дуба», хорунжий Степан был не прадедом, а... прапрадедом путешественника. Автор называет предков Миклухо-Маклая по мужской линии:

Степан Михайлович, хорунжий (род. ок. 1750 г.);

Степан Степанович, «из личных дворян»;

Илья Степанович, коллежский секретарь (род. в 1791 г.);

Николай Ильич, инженер-капитан (род. в 1816 г.).

О коллежском секретаре Илье Степановиче биограф пишет следующее: «Он был женат на Александре Диомидовне (урожденной Кожановской) и имел от нее шестерых сыновей и троих дочерей. Как видно из формулярного списка, составленного в 1836 г., ни у него, ни у его отца *Степана Степановича* [курсив наш. — Д. О.] не было недвижимого имения». Чуть раньше биограф упоминает, что Степан Степанович и его сын Илья Степанович в некоторых документах «дипломатично обозначены как корнетские дети».

Ниже мы раскроем тайну этой мнимой «дипломатичности», а пока просто последуем за мыслью исследователя. Наскоро определившись с предками путешественника, он создает образ «захудалого» рода, не обладавшего ни имениями, ни задокументированными заслугами. Отметив, что корнет Степан и его сыновья не оформили потомственное дворянство, биограф

¹ Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

сообщает, что предки Миклухо-Маклая были *личными дворянами*. Он приводит суждение историка А.В. Романовича-Славятинского о личном дворянстве.

«Оно не совсем было благородным. <...> Бедное материальными средствами, но богатое искусственными потребностями, личное дворянство боялось запачкать свои благородные руки какими-нибудь мещанскими занятиями и предавалось темным, неопределенным профессиям. <...> Личными дворянами общества потомственных дворян замещали иногда должности по земской полиции, особо низко стоящей во мнении сословия».

Зачем же нужно так подробно останавливаться на «захудалости» рода Миклух? А вот зачем: «Мы сознательно остановились на этом сюжете, так как сомнительное дворянское происхождение — в дальнейшем, как увидим, узаконенное стараниями его матери — в какой-то мере повлияло на его социально-психологические установки и, возможно, на некоторые его поступки».

Итак, под дальнейшие рассуждения о личности путешественника подведена солидная база.

Но вот незадача: не только сам путешественник, но и его родословное древо, хранящееся в семейном архиве, не знают никакого прадеда Степана Степановича! Неужели Д.Д. Тумаркин подарил нам еще одну легенду? Нет, Степан Степанович — личность отнюдь не легендарная.

Выписка из Государственного Архива Черниговской области (22.07.97 № 149), полученная в ответ на наш запрос и составленная на основании исповедных и метрической книг г. Стародуба (Исповедные книги Церкви Рождества Пресвятой Богородицы д. Стародуба за 1786, 1788 гг. и метрическая книга за 1791 г. [Ф. 712. Оп. 1. Д. 228. Л. 65об.; Д. 231. Л. 87об.; Д. 232. Л. 51 об.; Ф. 133. Оп. 1. Д. 215. Л. 1094, 1188об.; Ф. 133. Оп. 1. Д. 382. Л. 199об.; Ф. 133. Оп. 1. Д. 75. Л. 81. Ф. 712. Оп. 1. Д. 232. Л. 51об.; Ф. 133. Оп. 1. Д. 215. Л. 1094, 1188об.; Ф. 133. Оп. 1. Д. 259. Л. 59]), сообщает следующее:

«Степан Степанович Миклуха, из личных дворян, коллежский регистратор с 1809 г., награжден бронзовой медалью в 1815 г.» Дает справка и его год рождения: 1784.

Но позвольте. По Д.Д. Тумаркину, сын Степана Степановича родился в 1791 г. Уж не значит ли это, что Степан Степанович произвел на свет своего сына в возрасте семи лет?

А между тем никакой загадки здесь нет. Документы черниговского архива свидетельствуют, что Степан Степанович

(род. 1784), «из личных дворян, коллежский регистратор с 1809 г.», и Илья Степанович (род. 20 июля 1791), «сын корнета, коллежский секретарь с 1829 г.», были не отцом и сыном, как ошибочно полагает биограф, а родными братьями. И поэтому никакой «дипломатичности» в том, что они оба названы «корнетскими детьми», вовсе нет. Потому что они и были сыновьями корнета Степана¹.

«Сомнительное происхождение»

К сожалению, ошибка Д.Д. Тумаркина уже широко распространилась в публикациях о путешественнике. Википедия сообщает: «Материалы первой половины XIX в. также прямо называют прадеда Н.И. Миклухо-Маклая — Степана Степановича — “происходящим из личных дворян”, а членов рода — “корнетскими детьми”».

Проникла эта ошибка и в научные статьи. Доктор исторических наук Б.Н. Комиссаров, специалист по истории и этнографии Бразилии, внимательно изучив монографию Д.Д. Тумаркина, также приходит к выводу, что «тяжело больной и немощный» Миклухо-Маклай ошибся, назвав Степана Михайловича своим прадедом.

Семейные портреты Миклух Б.Н. Комиссаров располагает по Д.Д. Тумаркину: «С.М. Миклуха, прапрадед — С.С. Миклуха, прадед — И.С. Миклуха, дед — Н.И. Миклуха, отец» [Комиссаров 2013: 349].

Зачем же мы так подробно останавливаемся на этой ошибке Д.Д. Тумаркина? Ну, дополнил биограф родословную путешественника, придумал ему прадеда, одарил, так сказать, новым предком. Эка важность, с кем не бывает! (У Миклухо-Маклая, в конце концов, есть биографы и пораскованнее: некто Иванченко, например, вообще возводит род Миклух к Тарасу Бульбе.)

Но не все так просто. У нас есть основания считать, что ошибка биографа неслучайна. Эта ошибка является следствием его *социально-психологических установок*, тех самых, которые и в дальнейшем будут уводить его с пути непредвзятого исследователя на сомнительную дорожку «разоблачителя». Биограф постоянно будет подталкивать нас к поискам в характере путешественника неких *комплексов* ввиду его якобы незнатного происхождения. Поэтому «прадед» Степан Степанович с его

¹ О рождении Ильи Степановича Миклухи метрическая книга г. Стародуба за 1791 г. сообщает буквально следующее: «20 июля. У корнета Степана Михайлова сына Миклухи сын Илия».

XIV классом¹ табели о рангах необходим ему для подкрепления своей гипотезы.

Но давайте отвлечемся от ошибок монографии и посмотрим на первых дворян-Миклух глазами самого Николая Николаевича:

Прадед

Степан Михайлович, хорунжий (корнет; чин давал право на потомственное дворянство), участник русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

Дед

Илья Степанович, коллежский секретарь² (по табели о рангах чин соответствовал штабс-капитану в пехоте).

Отец

Николай Ильич, коллежский асессор (по табели о рангах чин соответствовал майору в пехоте; чин давал право на потомственное дворянство и на обращение «ваше высокоблагородие»).

Какие выводы тут напрашиваются?

Н.Н. Миклухо-Маклай рос в семье, принадлежность которой к потомственному дворянству никто не оспаривал; отец путешественника, Николай Ильич Миклуха был одним из строителей Николаевской железной дороги и первым начальником Московского вокзала, имел чин инженер-капитана (коллежского асессора). В то время между чином коллежского асессора и предыдущим чином титулярного советника существовала преграда, преодолеть которую было чрезвычайно трудно, поскольку потомственное дворянство остерегалось пополняться за счет незнатных. Однако Николай Ильич перешагнул эту преграду еще в 1843 г., когда вопросы знатности будущего ученого волновать не могли (он родился в 1846 г.).

Николай Николаевич с детства был свидетелем того, что к его отцу обращаются «ваше высокоблагородие». Его отец имел орден святой Анны 3-й степени³ и несколько высочайших благодарностей за отличную службу, в том числе за образцовый порядок при перевозке войск во время Крымской войны (об этом пишет и Д.Д. Тумаркин).

Николай Николаевич знал от своего отца, что в городе Стародубе у него есть дед, коллежский секретарь. Он знал, что его прадед Степан выслужил чин корнета, дающий право на

¹ Коллежский регистратор, народное «елистратишка».

² Этот чин имели А.С. Пушкин и И.С. Тургенев.

³ До 1845 г. орден давал право на потомственное дворянство.

потомственное дворянство, на русско-турецкой войне 1787–1791 гг. Он знал, что его мать, Екатерина Семеновна Миклуха (в девичестве Беккер) была дочерью участника Отечественной войны 1812 г., подполковника (по табели о рангах чин соответствовал надворному советнику на гражданской службе).

Как видим, картина получается не такой уж и безотрадной.

Так кого же мог стесняться Николай Николаевич? Своего отца-капитана, строителя Николаевской железной дороги? Своего деда-дворянина из Стародуба? Своего деда по матери, подполковника, участника Бородинской битвы? Своего прадеда, корнета Степана, героя русско-турецкой войны?..

Бумага или заслуги перед Россией?

По-видимому, Д.Д. Тумаркин искренне полагает, что именно наличие документа о сословной принадлежности составляло главный предмет устремлений и гордости дворянского рода, а его отсутствие якобы порождало комплекс неполноценности. Но это суждение ошибочно. Бумага с гербовой печатью сама по себе ценности для дворянина не представляла; она лишь фиксировала (с той или иной степенью объективности) уже имевшиеся заслуги рода перед Отечеством.

Вот и в семье Николая Ильича своих предков никто не стеснялся. Там вообще не придавали особенного значения происхождению¹. Николай Ильич, его жена и дети не догадывались, что Илья Степанович, выслуживший себе личное дворянство, не оформил потомственное. В семье были уверены, что право на потомственное дворянство закреплено за Миклухами еще со времен корнета Степана. Когда будущему ученому понадобилось представить в гимназию справку о сословной принадлежности, его мать Екатерина Семеновна обратилась не куда-нибудь, а в Черниговское дворянское депутатское собрание². Тут-то и выяснилась эта история с неоформленными бумагами. Семья в то время жила в Санкт-Петербурге; Екатерина Семеновна, мать пятерых детей, конечно же, исправлять оплошность свекра в Черниговскую губернию не поехала. Она поступила так, как поступил бы на ее месте любой: обратилась в дворянское собрание Санкт-Петербурга, где ей и выдали со-

¹ Младший брат путешественника М.Н. Миклухо-Маклай свидетельствует: «У отца были документы, из которых можно было проследить более древних представителей рода, но так как в семье у нас не придавали большого значения происхождению, то об этих отдаленных предках я ничего не знаю» (цит. по: [Тумаркин 2011: 6]).

² Об этом сообщает сам Д.Д. Тумаркин.

ответствующие документы — на основании заслуг покойного мужа¹.

Биограф сообщает, что двенадцатилетний Николай «наблюдал за хлопотами матери со смешанными чувствами». По его мнению, в момент получения этих справок он должен был испытать некие нравственные мучения, «так как он гордился своим прадедом Степаном Миклухой». Он и позднее якобы «тяготился своей непрестижной казацкой фамилией и худородством (! — *Д.О.*) своей семьи, с трудом (! — *Д.О.*) добившейся благодаря хлопотам Екатерины Семеновны — причисления к потомственному дворянству».

Оставим на совести автора это «худородство», это «с трудом» и абсолютно голословное утверждение, будто Николай Николаевич «тяготился» своим происхождением. Отметим очевидное. Подвиг Степана, который первым из Миклух выслужил офицерский чин и дворянство на ожесточенной русско-турецкой войне 1787–1791 гг., закрепившей Крым за Россией, вряд ли мог обесцениться в глазах Николая Николаевича по той причине, что в архиве не нашлось соответствующей бумаги. Гимназист Николай Миклуха знал своего прадеда не по бумагам и родословным книгам, а по рассказам отца. Для него это был семейный герой, живший сравнительно недавно. И отношение к прадеду не менялось у путешественника до конца жизни. Незадолго до кончины он с гордостью написал в короткой автобиографии, что потомственное дворянство выслужил его прадед Степан, который, «состоя хорунжим в одном из казацких полков, отличился при взятии Очакова».

Отметим, что это написал человек, собственный подвиг которого уже был настолько широко известен, что в каких-либо новых мифах о своем происхождении он точно не нуждался; что живы были все три его брата, каждый из которых мог бы легко опровергнуть новую легенду, если бы таковая появилась; что он написал это на смертном одре.

Однако биограф и тут не склонен доверять герою своего повествования.

Подвиг Степана Миклухи

«В специальных подробных исследованиях об осаде Очакова, — пишет Д.Д. Тумаркин, — не только не говорится о подвиге Степана Миклухи и оказанной ему монаршей милости, но вообще не встречается такая же или сходная фамилия. Что же касается

¹ Николай Ильич умер в 1857 г.

Стародубского казачьего полка, впоследствии переформированного в регулярный Стародубский легкокавалерийский полк русской армии, то он не входил в войска князя Потемкина, овладевшие после длительной осады турецкой крепостью Очаков».

Итак, логика ясна: если в тех документах, с которыми познакомился Д.Д. Тумаркин, Степан Миклуха не упоминается, значит, он и в штурме не участвовал. И как-то совсем не учитывается, что Николаю Николаевичу и его братьям о подвиге стародубского корнета рассказывал Николай Ильич Миклуха. Родной отец.

Но мог ли Николай Ильич, покинувший Стародуб девятнадцать лет от роду, не зная своего деда (или хотя бы не слышать рассказов о нем)? Мог ли не видеть его личные вещи? Мог ли не знать названия крепости, при штурме которой тот отличился? Мог ли спутать Очаков, скажем, с Кинбурном? Или Хотинном? Или Измаилом? Наконец, в характере ли Николая Ильича было сочинять семейные предания?

«Миклуха заступался иногда за бесправных рабочих-землекопов, не боялся говорить начальству правду в глаза, а главное — он не брал взяток и потому не вписывался в систему тотальной коррупции, процветавшей на строительстве железной дороги, — сообщает Д.Д. Тумаркин. — Бюрократы-мздоимцы и прочие хищники, наживавшиеся на этой стройке, по-видимому, считали Миклуху чужаком, белой вороной».

И этот правдолюбец Миклуха — тот самый человек, который сочинил деду (прадеду по монографии Д.Д. Тумаркина) подвиг, которого тот не совершал? Нет ли в этих предположениях некоторой натяжки?

Пусть об этом судит читатель. Мы же отметим, что, отказывая Николаю Ильичу Миклухе в праве знать правду о корнете Степане Михайловиче Миклухе, биограф, на наш взгляд, проявляет примечательную осторожность. Такую же осторожность он демонстрирует при оценке семейного предания об одном из предков Миклух, который жил во времена Богдана Хмельницкого и носил фамилию Маклай¹. Зато в других случаях биограф куда более смел и решителен, и его мысль свободно устремляется в область гипотез.

Новые легенды

Рассказывая об учебе будущего путешественника в Германии, автор монографии публикует снимок голой женщины, сопро-

¹ По сообщению племянницы путешественника С.М. Миклухо-Маклай, это предание существовало в семье Николая Ильича.

водив его надписью: «Нагая подружка Николая Миклухи». Откуда же он знает, что женщина на фотографии является «подружкой» юного Николая? Может быть, на фото есть какая-нибудь надпись, подтверждающая его догадки? Оказывается, нет: «Мое внимание привлек снимок, не наклеенный на паспарту, лишенный указания на название фотоателье или фамилию фотографа, что было весьма необычно для того времени. На снимке изображена совершенно нагая пышнотелая женщина лет тридцати, стоящая во весь рост с поднятыми за голову руками. Не сохранил ли Николай это фото на память о мимолетной подружке?»

Неужели биограф не понимает, что это фото совсем необязательно принадлежало именно Николаю? (Например, оно могло быть подарено ему приятелем; могло попасть в архив вместе с другими случайными снимками и бумагами). Наверное, понимает. Но на этот раз доказательств не требует.

В главе о путешествии на юго-восточный берег Новой Гвинеи биограф, рассказав о том, как Миклухо-Маклай срисовал татуировку, сделанную на теле шестнадцатилетней папуаски, симптоматично задается вопросом: «Забавлялся ли Миклухо-Маклай с прелестной натурщицей?» И с легкой грустью констатирует: «Об этом нет ни слова в его публикациях, дневниках и записной книжке».

В главе о пребывании Миклухо-Маклая в Австралии биограф приводит давно известные факты о том, что путешественник по просьбе русского правительства отправил в Санкт-Петербург три отчета о ситуации в Австралии и Океании, составленные на основе статей из местных газет. Для биографа это служит основанием поднять давно закрытую «тему» о причастности ученого... к шпионажу. «Был ли шпионом Миклухо-Маклай?» — выносит в заголовок Д.Д. Тумаркин.

А вот еще одна легенда, уже о матери Н.Н. Миклухо-Маклая:

«Летом 1859 г. Коля с Сережей подготовились к поступлению в четвертый класс гимназии. Их подготовкой руководил студент юридического факультета Петербургского университета Валентин Миклашевский, который стал воспитателем в семье Е.С. Миклухи. В те времена молодые вдовы нередко вступали в близкие отношения с воспитателями своих детей. Не исключено, что Екатерина Семеновна тоже не устояла перед таким искушением. Разумеется, это только гипотеза. Но она высказана с учетом того положения, которое Валентин занимал в течение трех лет в семье Миклухи. Он не только ведал учением и воспитанием детей, но и принимал деятельное участие в решении других важных семейных проблем, причем, как видно

из нескольких сохранившихся его писем, высказывал свои суждения решительно и безапелляционно».

И все? — спросит читатель. Да, все. В данном случае доказательств не требуется. Семейный учитель высказывал свои «суждения решительно и безапелляционно». В самом деле. О чем еще говорить.

Подобных легенд и «сплетен в виде версий» (В.С. Высоцкий) в книге достаточно, но по понятной причине мы больше цитировать их не будем.

«Это ваше убеждение? Как же вы говорите, что их нет?»

В своей заметке «Нужно ли сохранять “хрестоматийный глянec” при изучении жизни и научного наследия Н.Н. Миклухо-Маклая?» [Тумаркин 2013: 481] Д.Д. Тумаркин заявляет следующее: «В последние годы в России усиливаются авторитарные тенденции, увеличивается идеологическое и административное давление на науку и культуру, в общественное сознание внедряются идеологемы, уходящие своими корнями не только в эпоху “культы личности”, но и в монархическое прошлое. В этих условиях необходимо, на мой взгляд, не только продолжать (разумеется, без перегибов) удаление “хрестоматийного глянца” в работах научно-биографического жанра, при изучении истории науки, исследовании исторического процесса в нашей стране и во всем мире, но и стремиться не допускать в научном творчестве создания и возвеличивания новых кумиров».

Мысль биографа понятна: осуждая любое «внедрение идеологем», он провозглашает себя защитником исторической науки, науки как таковой. И здесь, как нам кажется, возникает закономерный вопрос: может ли некий исследователь, провозгласивший себя борцом с идеологической заданностью (монархической, сталинской, послесталинской etc.), сам не попасть под влияние какой-то идеологии?

Остановимся на этой проблеме. Идеология (от греч. *idea* — ‘идея’ и *logos* — ‘учение’), согласно словарю Ушакова, «мировоззрение, система взглядов и идей». Но может ли человек, находящийся в здравом уме и твердой памяти, совсем не иметь мировоззрения и системы взглядов и идей? Сразу вспоминается диалог Дмитрия Рудина и Африкана Пигасова, героев романа И.С. Тургенева (кстати, хорошего знакомого Н.Н. Миклухо-Маклая):

— Прекрасно! — промолвил Рудин, — стало быть, по-вашему, убеждений нет?

— Нет — и не существует.

— Это ваше убеждение?

— Да.

— Как же вы говорите, что их нет? Вот вам уже одно на первый случай.

Все в комнате улыбнулись и переглянулись.

— Позвольте, позвольте, однако, — начал было Пигасов...

Но Дарья Михайловна захлопала в ладоши, воскликнула: «Браво, браво, разбит Пигасов, разбит!»

Судя по этому примеру (вошедшему в некоторые трактаты о логике), ни один человек не может быть вполне свободным от убеждений (сложившихся мнений, идей, взглядов).

Но какую же систему взглядов и какую *идеологию* предлагает нам биограф взамен той самой пресловутой «идеализации» Н.Н. Миклухо-Маклая, которая так не дает ему покоя? Пусть об этом судит читатель — хотя бы на основании приведенных выше примеров.

Заметим только, то эта идеология, безусловно, не нова. Мы и раньше встречались с ее представителями.

Реальный образ или бульварщина?

«Какое наслаждение уважать людей! — однажды пометил в своей записной книжке А.П. Чехов. — Когда я вижу книги, мне нет дела до того, как авторы любили, играли в карты, я вижу только их изумительные дела».

С этим суждением классика всегда спорили литераторы иного пошиба — авторы бульварных романов и сотрудники желтых газет. Они были заняты поиском «низких истин» (А.С. Пушкин), оправдывая себя тем, что читатели якобы желают знать «правду», «факты» и т.д. Поэтому в желтой прессе в погоне за сенсацией часто печатались скандальные и недостоверные сведения, бросавшие тень на великих людей. Поэтому бульварные книги наполняли различные альковные похождения и шпионские страсти. Довольно долго все это было уделом низкопробных изданий (грошовых романов), но в эпоху постмодерна жанровые границы, как известно, стали исчезать. Сейчас уже нас не удивляет ни описание перверсивного секса в романе, ни нагота актеров в драматическом театре. Наверное, нет ничего удивительного и в том, что книги научно-биографического жанра стали испытывать влияние бульварной литературы. Видимо, их авторы также не могли быть вполне свободными от веяний времени, когда пошлость вдруг стала проникать в культурное поле под видом «искусства»; когда порнография превратилась в норму для ТВ; когда в постсоветском обществе стала активно насаждаться идеология «низких смыслов».

Что же характерно для данных исследований? На наш взгляд, в них уже больше фактических ошибок и недостоверных сведений — тут сказывается общая плачевная ситуация в нашей гуманитарной науке, для которой, увы, рыночные эксперименты 1990-х даром не прошли. Кроме того, в этих работах прослеживается сочетание научного подхода с попыткой покопаться в грязном белье, поискать клубничку, заострить внимание читателя на очень личных, интимных моментах биографии героя или членов его семьи. Иногда авторы предпочитают говорить о каких-то моментах *в предположительном ключе*. С одной стороны, это помогает им сохранить ориентацию на самую широкую читательскую аудиторию (на широкие слои выводит как раз тематика телесного низа, высшие ценности разделяют немногие), с другой — избежать обвинений в клевете¹. Верные девизу своих предшественников служить «голой правде», авторы этой новой волны зачастую действуют на читателя взаимно противоположными факторами и последовательно разлагают цельность образа своего героя. С *де-идеализацией* они, безусловно, справляются, но в остальном, увы...

Насколько работа Д.Д. Тумаркина оказалась свободна от этих общих печальных тенденций современного научно-биографического жанра? Пусть об этом судит читатель. Отметим только, что будущие исследователи — если они захотят использовать монографию «Белый папуас» для создания нового труда о великом путешественнике — должны будут провести серьезную работу, чтобы, во-первых, отделить реальный образ Н.Н. Миклухо-Маклая от новых легенд и «сплетен в виде версий», а во-вторых, чтобы не повторить допущенные в книге неточности и грубые фактические ошибки.

Библиография

Комиссаров Б.Н. Рец. на кн.: Тумаркин Д.Д. Белый папуас. Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М.: Восточная литература РАН, 2011. 623 с. // Антропологический форум. 2013. № 18. С. 344–366. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/018/reviews.pdf>>.

Тумаркин Д.Д. Белый папуас. Н.Н. Миклухо-Маклай на фоне эпохи. М.: Восточная литература РАН, 2011. 623 с.

¹ Писарев называл подобные проделки «бросанием грязи из-за угла» и «косвенной инсинуацией». По его словам, «косвенная инсинуация неизмеримо хуже прямого доноса именно потому, что составитель инсинуации не обязан представлять никаких доказательств и всегда имеет полную возможность увернуться в сторону, ссылаясь на свободную игру своей фантазии» (Д. Писарев, «Прогулка по садам российской словесности»).

Тумаркин Д.Д. Нужно ли сохранять «хрестоматийный глянец» при изучении жизни и научного наследия Н.Н. Миклухо-Маклая? // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 475–482. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019/tumarkin.pdf>>.

Дмитрий Орехов (Миклухо-Маклай)
член Союза писателей СПб.,
член Русского географического общества,
прапраправнук Николая Ильича и Екатерины Семеновны

Mikloukho-Maclay: New Legends

Dmitriy Orehov

Union of Writers, St.Petersburg
Zvenigorodskaya str. 22, St.Petersburg
kudus@yandex.ru

This is a critical review of D.D. Tumarkin's monograph "The White Papuan" (Moscow, 2011), wherein an attempt to comprehensively summarize the life of an outstanding Russian scholar, N. N. Mikloukho-Maclay, is undertaken. This review suggests that the book is not free from factual mistakes: the history of the aristocratic family of the Mikloukhs is incorrectly described, and the explorer's ancestry is misrepresented. Another serious flaw of the research is its ideological bias.

Keywords: the history of science, biography of N. N. Mikloukho-Maclay, the Mikloukhs family, ideological bias.

References

- Komissarov B. N., 'Review of D. D. Tumarkin, *Belyy papuas. N. N. Miklukho-Maklay na fone epokhi* [The White Papuan. Miklouho-Maclay in the Context of His Epoch]', *Antropologicheskij forum*, 2013, no. 18, pp. 344–366. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/018/reviews.pdf>>.
- Tumarkin D. D., *Belyy papuas. N. N. Miklukho-Maklay na fone epokhi* [The White Papuan. Miklouho-Maclay in the Context of His Epoch]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN, 2011, 623 pp.
- Tumarkin D. D., 'Nuzhno li sokhranyat "khrestomatiynny glyanets" pri izuchenii zhizni i nauchnogo naslediya N. N. Miklukho-Maklaya?' [Should the "Anthology Gloss" be Preserved when Studying the Life and Heritage of Mikloukho-Maclay?], *Antropologicheskij forum*, 2013, no. 19, pp. 475–482. <<http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/019/tumarkin.pdf>>.